

Черная немочь

У себя ли Федор Петрович, Афанасьевна? – спрашивала, выходя на монастырь из церковных ворот, толстая купчиха низенькую, приземистую женщину, которая, сложа руки, стояла у калитки священникова дома и разговаривала с своею знакомою.

– О каком Федоре Петровиче вы изволите спрашивать, сударыня?

– Да о священнике.

– Тыфу пропасть! Я ведь и забыла его имя; навыкла все звать батюшкою. Добро пожаловать, сударыня, милости просим. Он изволил лечь отдохнуть после обеда, да скоро встанет: пономарь приходил уж спрашиваться, не пора ли благовестить к вечерне; но матушка велела обождать маленько.

– Так матушка дома?

– На погребу, Марья Петровна. Вчера мы капусту рубили, так она с батраком кладет гнеты на кадки и моет кружки, – а я вот выбежала переговорить с соседкой. Да что она прячется, чего испугалася?

– Проводи меня к матушке, Афанасьевна, – сказала гостя и всунула в руку будущей проводницы двугривенный, за который сия последняя насильно поцеловала у пей пухлую руку, вырвав из-под черного атласного салопы.

– Грязно вам будет пройти, сударыня: у нас на дворе нечисто, да и матушка разгневается на меня. Сем-ка я позову ее самое.

– Нужды нет, милая, зачем ее отрывать от дела.

– Как изволите, сударыня. – Ты, сестрица, подожди меня здесь минуточку, – закричала Афанасьевна знакомке, давно уже спрятавшейся за колокольню, и повела свою благодетельницу через грязный двор по насланным доскам к погребу, из коего доносились уже к ним глухие звуки протопопицной брани, обращенной к батраку, который ворочал камень в подземелье под ее руководством.

– Бог в помощь, матушка! захлопотались вы. На вас и праздника нету.

– Кто там? Ах, свет мой, Марья Петровна, куда вы пожаловали и как меня застали! Вот уж проказница, нечего сказать, – отвечала смутившаяся протопопица, вылезая из ямщика по изломанной лестнице. – Извините великодушно... – и началось троекратное целование.

– Что ты, дура, не вызвала меня! – проворчала она тут же, в мгновенных промежутках, оборачиваясь к Афанасьевне.

– Я хотела было, да Марья Петровна сама не изволила.

– И – матушка, не гневайтесь! Дело хозяйское. И с нами то ж случается; домок вести не шуточка; свой глаз везде хорош: где недосмотришь, там ведь мошной заплатишь.

– Умная речь, Марья Петровна! Милости же просим в покой. Степка! убери здесь все, да навесь петлю в двери на творило, а ты, Афанасьевна, запири после погреб, и ключ ко мне. Милости просим.

– Почему покупали капусту нынче, матушка? – спросила дорогою гостя.

– Нынче дорога была, Марья Петровна, не уродилася, видно, оттого, что дождей было много. Да у Федора Петровича есть сын духовный – огородник, в Красном селе, так он и уступил мне девять гряд по три рубля.

– Не больно чтобы дешево. А сколько кочней на гряде вышло?